

Е. Е. Тихомирова

*Новосибирский государственный
педагогический университет*

Специфика субъектно-объектных отношений учителя и ученика в конфуцианской традиции

На современном этапе модернизации образования, когда на первый план выходят субъектно-субъектные формы общения и воспитания, существует необходимость обратиться к анализу традиций социализации, «окультуривания» человека, существующих веками, и попытаться осмыслить, возможно ли их выстроить в иных социокультурных условиях.

В основе педагогических традиций Древнего Китая, как и других первых человеческих цивилизаций, лежит опыт семейно-общественного воспитания, уходящий корнями в древнейшие педагогические технологии.

Жизнь в любой семье протекала под знаком сложившихся веками обычаев и представлений. Так, считалось, что у каждого дома есть свой покровитель (*цзаован*), который оценивает поведение, труд и прилежание домочадцев. Всем членам семьи следовало соблюдать определенные правила и ограничения, например, запрет на бранные слова, поступки, которые могут навредить старшим и остальным родственникам. Людям представлялось, что существуют божества, следящие за нравственностью на земле. Подобный настрой усиливала неперенная атрибутика в каждом жилище — картинки с изображением нравоучительных сцен¹.

В основе воспитательных отношений лежало уважение младших к старшим. Наставник почитался как отец. Деятельность учителя считалась весьма почетной. Приобретение образования было делом крайне важным: «子曰、弟子、入则孝、出则弟、谨而信、凡爱众、而亲仁、行有馀力、则以学文» («Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его — уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично

¹ См. об этом: Лисевич И. С. Традиционная китайская культура. М., 1997.

любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми. Если после осуществления всего этого у них останутся силы, их можно брать на чтение книг»².

В традиционном Китае образование, грамотность и книги занимали особое место, а ученые-чиновники образовали своего рода касту, не менее почитаемую, чем жрецы в иных цивилизациях: «Известно, что даже император не зовет учителя, а приглашает. Владетели больших княжеств искали дружбы с учеными»³. Среди причин подобного преклонения можно назвать следующие: отсутствие касты жрецов; сложность иероглифической письменности; уникальная система отбора на высшие государственные посты, которая позволила интеллектуальной элите сконцентрировать власть и сделать образованность синонимом преуспевания.

Почитание учителя, характерное для духовной культуры многих стран в древности, не только оказалось в Китае одной из наиболее устойчивых традиций, но и получило теоретическое обоснование в классической философии и педагогике. Его особенностью стало глубокое осмысление взаимоотношений между учеником и учителем как важного звена конфуцианской этической системы. Еще в «Шан цзюнь шу» (Книга правителя области Шан) учитель именовался «благородным мужем», в круг деятельности которого входила обязанность собирать, обучать и воспитывать выдающиеся таланты⁴.

Высокая оценка роли учителя определялась подходом древних к обучению как к нравственному воспитательному процессу — постижению принципов *дао*, «выправлению ритуала». Древнекитайский философ Мо Ди признавал, что «заслуга того, кто учит пахать, больше, чем одинокого пахаря»⁵. Почтение к учителю ставилось в один ряд с такими категориями, как почитание Неба, «благородного мужа», старших в роде. В «Записках об учении» («Сюэ ши») приведена следующая последовательность

---

² Переломов Л. С. Конфуций. «Лунь юй» : Исследование, перевод с китайского и комментарии. М., 1998.

³ Попов П. С. Китайский философ Мэн-цзы / пер. с кит. СПб., 1904.

⁴ См.: Книга правителя области Шан / пер., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. М., 1968.

⁵ Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.

этапов социально-нравственного роста человека: благородный муж, «будучи в состоянии наставлять во многом... сможет стать наставником. Став наставником, он может стать начальством. А лишь будучи начальством, можно стать государем»⁶.

Учитель являлся одним из элементов системы государственного управления; выражение искренней любви к нему считалось необходимым условием соблюдения ритуала. Многие философы древности усматривали прямую зависимость между почитанием учителя и процветанием либо гибелью государства. Уважение учеников к учителю проявлялось и внешне — в специальном ритуале подношения подарков при их первой встрече, официально закреплённом при династии Тан. Высокая оценка роли учителя в нравственном становлении государя и народа, в постижении пути Неба объясняла и предъявляемые к нему требования постоянного самосовершенствования и высоких нравственных качеств. Считалось, что наставником может быть лишь тот, кто способен «учиться без пресыщения, просвещать без усталости»⁷. Подчеркивалось, что учитель обязан «действовать личным примером», а, следовательно, отличаться высоконравственным поведением и справедливостью, развивать дух неутомимого поучения. Поэтому самым эффективным и быстрым путем к достижению знаний считались «личные встречи с мудрым учителем». От него требовались также обширные знания: «Желающий просвещать людские нравы прежде просветись сам». Хотя в «Записках об учении» уже содержалась критика учителей-начетчиков, которые, увязнув в комментариях, не могли донести до учеников суть учения, в результате чего те «не проявляли рвения», «оставались невежественными и ненавидели учителя»⁸.

В контексте конфуцианской философии сталкивались различные суждения о мере абсолютизации авторитета учителя и его знаний. Одни философы утверждали, что лишь слепой может не считать учителя всегда правым, требовали беспрекословно следовать его наставлениям, ибо без них даже обладающий природным талантом

⁶ Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. М., 1979.

⁷ Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй.

⁸ Буров В. Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаншаня. М., 1976.

не добьется многого. В «Ли цзи» обобщены идеи предшествовавшего периода относительно безоговорочного почитания учителя и выдвинута формула: «Уважение к учителю и есть почитание дао», поэтому там утверждается, что «самое трудное — научиться почитать учителя»⁹.

Существовала и иная линия, акцентировавшая усилия самого обучающегося и не одобрявшая идущее от Сюнь-цзы требование слепого следования за учителем. Китайский философ и литератор Хань Юй, наследуя и развивая идеи «Ли цзи» и Ван Туна, попытался совместить оба подхода: оценивая учителя как олицетворение *дао*, как человека, долг которого «наставлять и разрешать сомнения», он в то же время ставил под сомнение завершенность его знаний. Основанием для подобной позиции могла служить классическая максима: «Обучение и учение взаимно дополняют друг друга» (*цзяо сюэ сяи чан*), впервые сформулированная в «Записках об учении»: *«Только начав учиться, узнаешь о собственном несовершенстве; только начав обучать, узнаешь, что такое трудности... Поэтому-то и говорят, что учитель и ученик растут вместе»*¹⁰.

Эта мысль о взаимообучаемости ученика и учителя была частично реализована в практике академий. Многие философы-педагоги полагали, что учитель не должен стесняться спрашивать, а ученик способен превзойти учителя. Сюнь-цзы образно выразил эту мысль так: «Лед образуется из воды, но холоднее ее». Хань Юй подтвердил, что учитель и ученик должны взаимно обучаться, ученик не обязательно недостоин учителя, а учитель не всегда превосходит в мудрости ученика, просто одни постигают *дао* раньше, другие — позже. Эту же мысль через много веков повторил Ван Ян-мин¹¹. Ван Чуань-шань предлагал отказаться от насаждаемого конфуцианскими мыслителями слепого почитания учителя, мечтал, чтобы отношения между учителем и учеником были дружескими и равными.

---

⁹ 韩愈志. 前基博著. 商务印书馆, 1958 (*Хань Чан-ли цзи*. Собрание сочинений. Шанхай, 1958).

¹⁰ Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока. М., 1972.

¹¹ Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.

Однако вплоть до XX в. в школьной практике авторитет учителя оставался непререкаемым. Конфуцианские нормы этикета объясняют характерную для традиционной школы пожизненную связь ученика и учителя, которая не ограничивалась учебным процессом, но продолжалась и в дальнейшем, т. к. учитель был наставником и поводом в постижении небесного принципа, т. е. духовным пастырем. Максима «уважать учителя, любить ученика» (*цзунь ши, ай шэн*) берет свое начало в практике педагогов-философов древности, которые заботились не только о нравственности и знаниях учащихся, но и об их повседневных делах и планах на будущее, живя с ними одной жизнью. Ученики отвечали им заботой и почитанием, а после смерти наставников наследовали их учение и пропагандировали его. Отношения между учениками и учителем традиционно уподоблялись взаимосвязи родителей с детьми, что не исключало строгости требований как выражения высокой ответственности наставника¹².

О необходимости тесного контакта между обучающим и воспринимающим учение заботились и неоконфуцианцы, видевшие проявление уважения к учителю в стойкости и терпении учеников (братья Чэн). Китайский философ и историк Чжу Си осуждал тех учителей и учеников, которые, «встречая друг друга, равнодушны, словно прохожие на улице». Философ Ван Ян-мин также мечтал, чтобы ученики относились к учителям как к родителям, а школу рассматривали как сад радости, но предлагал иной путь осуществления этих пожеланий — индивидуальный подход к каждому ученику, учет его интересов. Именно в отсутствии подобного подхода он видел причину того, что современные ему ученики считали учебное заведение тюрьмой, а на учителя смотрели как на врага. Сам он вместе с учащимися пел, совершал ритуалы, декламировал стихи и снискал такую любовь, что в память о нем построили несколько академий¹³.

Академии (в частности, Дунлинь) остались в истории китайской педагогики как пример учебных заведений, где отношения между учителем и учеником отличались доверительностью и взаимным

¹² 郭齐家. 中国教育思想史. 教育科学出版社, 1987 (Го Ци-цзя. Чжунго цзяоюй сысян ши (История педагогической мысли в Китае. Пекин, 1987).

¹³ Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.

уважением¹⁴. Современный китайский писатель Ван Тун утверждает, что учитель сам постоянно находится в процессе постижения *дао*, поэтому он обязан быть «переменчивым», т. е. способным к непрерывному самообучению. Философы древности и Средних веков видели в учителе живое воплощение черт идеальных мудрецов, считали его образцом для подражания¹⁵.

Б. Г. Фаткулин

Южно-Уральский государственный университет

Особенности развития иранистики в КНР на современном этапе

В начале XXI в. перед Китаем в силу его геополитического положения стоит задача выработать эффективные подходы к взаимодействию с исламскими странами. Ближайшими его западными соседями являются тюркские и иранские государства Средней Азии. В связи с этим в современной КНР активно развиваются востоковедческие отрасли науки, в ряду которых иранистика (одна из ветвей востоковедческой триады «иранистика — арабистика — тюркология») занимает одну из ключевых позиций.

Под иранистикой понимается, с одной стороны, изучение собственно Ирана, с другой — изучение языков, памятников письменности (иранская филология) и древней истории ираноязычных народов. Для более точного определения предмета иранистики введено понятие «Большого Ирана», включающего в себя не только территорию современного Ирана, но и регионы Афганистана, Малой Азии, Южной и Центральной Азии, Кавказа и Юго-Западной Азии. Поскольку Иран является наиболее крупным и самодостаточным ираноязычным государством мира, то в данной статье речь пойдет об иранистике

¹⁴ 盛朗西. 中国制度书院. 中华书局发行, 1934 (*Шэн Лан-си. Система академий в Китае. Шанхай, 1934*).

¹⁵ См. об этом: Философские трактаты Сюнь-цзы. М., 2005.